

Вячеслав МЕДУШЕВСКИЙ

РУССКАЯ МУЗЫКА КАК ЯВЛЕНИЕ И ЗАДАНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

Медушевский Вячеслав - доктор искусствоведения, Заслуженный деятель искусств России, профессор теоретико-композиторского факультета Московской государственной консерватории им. П.И.Чайковского.

*От мира — прогнившего склепа, —
От злобы, насилья и лжи
Россия уходит на небо,
Попробуй её удержи.*

Н.А.Зиновьев. Исход.

Тема нашей конференции сформулирована в духе действенности и ответственности. Я продолжу ее в этом сообщении. Для зречести и отваги жизни нужны нам два крыла: конкретность и широта. Конкретности послужит музыка. Широте — контекст цивилизаций, человечества и вечного бытия. Много надо сказать. Чтобы не заблудиться, сразу наметим 3 вехи в движении мысли.

1. Вначале отношения цивилизации и музыки рассмотрим in abstracto, в предельном обобщении, говоря о цивилизации вообще и о музыке в ней вообще.
2. Затем обратимся к православной цивилизации и музыке в золотой век русской культуры — во времена «собираания камней» (по выражению Библии).

¹ Выступление на конференции «Духовная культура: данное, заданное, перспективы» в Хабаровске, 19 ноября 2012 г.

3. В заключение — о нашем времени, когда Господь явным образом разбрасывает камни устойчивого бытия. Это великое время, потому что все, что делает Господь, премудро и величественно. Пророчественно эту богословскую мысль выразил Тютчев в стихотворении 1836 года: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые!»

(1) Итак, первый вопрос. Как музыка связана с цивилизацией?

Устроение цивилизации сравнивают с абрикосом.

Душистая мякоть — это культура, запечатленный в плодах жизни онтологический свет.

Твердая косточка — власть, государство, финансовое, экономическое, военное и информационное могущество, охраняющие драгоценное ядро.

Ядро — догматическое содержание цивилизации, совпадающее с догматикой заквасившей цивилизацию веры.

Но есть еще нечто невидимое, неделимое, таинственное-сокровенное, главное; — соборная душа народа, цивилизации, человечества. Душа — тот, кто живет, субъект жизни, великая тайна и красота. Душа живится Богом по мере ее искренности и чистоты в пределах, допускаемых догматикой цивилизаций, впрочем, расширяемых Богом при усилиях веры. Соборная душа может, увы, и мертвиться духом нечистым. Здесь ключ к динамике цивилизаций — расцвету, увяданию, взаимодействиям, диалогу.

Дух жизни или смерти, огненно и чисто устремленный к Богу, либо вялый и предательски лукавый, — все пронизывает, все соизмеряет. В культуре он проявляет себя как дух культуры. В общении — как дух общения. В семье — как дух семейной жизни. Во власти — как дух власти. В армии — как дух армии. В СМИ — как дух СМИ, честных или продажных. В экономике — как дух экономики, жертвенной или воровской.

Где ж место музыки? — Самое глубинное! Не просто в ядре, но в сокровенности ядра. Она проникает в средостение соборной души народов в ее соприкосновении с духом Божиим. На онтологическом языке выражает тайны отношений Бога и души, ибо всякая душа христианка, по слову Тертуллиана.

Следствие тайны: неземная красота христианского откровения способна проникать в иные цивилизации. Она посещала и цивилизации, предшествовавшие христианству. Язычник Цензорин писал: «души людей -- божественные, хотя против и кричит Эпикур, -- природу свою познают через песни».²

² Цензорин. Книга о дне рождения (К Квинту Церелию). — Вестник древней истории, 1986, N2,3.

Если высокая музыка поднимает народы и цивилизации, а низкая понижает их в тоне и качестве жизни, то, следовательно, выбор музыки равнозначен выбору судьбы.

Это было очевидностью для древнего мира на Западе и Востоке.

Платон писал: «Нигде не бывает перемены приемов мусического искусства без изменений в самых важных государственных установлениях».³ О том же Конфуций: "Разрушение любого государства начинается именно с разрушения его музыки. Не имеющий чистой и светлой музыки народ обречен на вырождение." В древнекитайском трактате "Юэ-цзи" ("Записки о музыке») мы читаем: "Изменения в чувствах, выражаемых музыкой, и изменения в политике тесно связаны»; «только благородные люди могут знать музыку»; «нужно разбираться в музыке, чтобы понимать политику. Только в этом случае будет достаточно знаний для правильного руководства». «Источник музыки на небе». Потому, «когда искажается творчество музыки, рождается смута». «Когда музыка хороша, то и действия благотворны».

На основе анализа музыкальных звуков трактат дает точные политические определения и прогнозы. Грубый звук свидетельствует о высокомерии князя, неровный — о недобросовестности чиновников. Расстроенность всех звуков говорит о всеобщем равнодушии, и «государство может погибнуть со дня на день». Звук честный, прямой, серьезный, искренний говорит о почтительности и скромности народа. Звуки лукавые — о том, что народ погряз в разврате и смутах.

Ничто не изменилось в наши дни. Вдохновенно-чистые, далекие от трескучести и фанфаронства песни военного времени с несомненностью свидетельствовали о грядущей победе над Гитлером. А умерший в конце XX века замечательный композитор Гаврилин уже задавался вопросом: почему его современникам так нравится уголовная манера пения Высоцкого и Пугачевой? И с грустью отвечал: потому что все воры. Тогда коррупция не была всепроникающей, но предпочитаемая населением манера пения точно обозначила направление деградации общества.

(2) Перейдем ко второму вопросу. В чем корень различий двух христианских цивилизаций и как призвание (оно же суть) православной цивилизации выразилось откровениях русской музыки?

Выдающийся греческий богослов, митрополит Иоанн Зизиулас в изумившей Запад книге «Бытие как общение» провел важное разграничение: в западном мышлении

³ Платон. Собр. Соч. в 4-х т. Т.3. — М., 1994, с.193.

восторжествовал исторический Иисус, в православии — эсхатологический Христос. На Западе Евхаристия совершается потому, что так законоположил Иисус. У нас — еще и потому, что в эсхатоне истории нас ждет Христос. Запад забыл о главной цели исходного вселенского православия — об обожении. Россия живет ею.

Нужно восчувствовать масштаб расхождений. Стрела богозданного времени не наугад выпущена! От начала творения летит она к цели бытия — эсхатону истории, Царствию Божию, где время непостижимо растворится в вечности Божественной любви.

Что значит сесть спиной к сияющей цели времени? С прошлым нас соединяет память, которая может слабеть. Вера принимает музейный оттенок. А при взглядывании в летящее к нам Царствие воля окрыляется, пламенеет, превращаясь в огненную ревность по Богу. Нельзя жить прошлым. Надо жить будущим — Царствием Божиим. Тогда оно начнет проливаться в теперешнюю жизнь, делая ее настоящей, а не фальшивой жизнью. Это относится к бытию каждого человека, народов, цивилизаций, всего человечества.

Давайте увидим эту устремленность к Царствию на конкретном примере — Финале Первого фортепианного концерта Чайковского.

Пафос концерта задан с первого зова валторн. Кто зовет? Медные духовые издревле являли собой силу Божию. Могучим творческим словом Бог вызывает мир к бытию. Оркестр отвечает согласием — решительным аккордом. Аккорды перерастают в торжественный гимн. Далее фортепиано словно бы воспроизводит могучие удары колоколов во всех регистрах. Колокола — тоже инструмент с богоцентричной семантикой. Колокольные звуки не о переживаниях людей сообщают — они наполнены благодатью Божией, окрыляющей творение. И на таком-то необыкновенном фоне появляется дивная широкая мелодия у струнных — это само окрыление. Бытие переполнено восторгом Божественного присутствия, любовью Божией. Какая русская, просторно-православная, а вместе с тем всемирная и всебытийственная радость!

Если таково начало концерта, то чем его закончить, чтобы не получилось по Горацию: «Мучило гору: а что родилось? Смешной лишь мышонок»? Что ответить на торжественное призывание мира к бытию? Ответ может дать только сама явленная цель бытия. Конец выше начала. Воззвание мира из небытия — лишь прелюдия к главнейшему, к цели творения — открытию Царства Божия в эсхатоне истории.

Оно и станет содержанием финала.

Знаменательно его начало — с удара литавр. Откуда их возбуждающая дух сила? Литавры — тоже инструмент с богоцентричной семантикой (не случайно в партитурах барокко они записывались вместе с трубами выше всех других инструментов). Они

поднимают восприятие слушателей на онтологическую высоту, призывая души внимать глаголам божественного Промысла.

Что они предвозвещают в начале финала? Это откроется в заключительной кульминации, в которой они тоже примут участие в странном, но необходимом сочетании с песней вселенской любви.

В западной музыке заключительные торжественные кульминации именуется апофеозами, что значит обожествление. Строятся они обычно на энергичных начальных темах.

Русские кульминации невозможно назвать апофеозами. Просится другое слово: феозис, обожение. Заключительные кульминации в русской музыке — всегда на катарсически смиренных нежных вторых темах, теперь вдруг ослепительно просиявших в свете божественной любви. Почему на темах любви? Потому что именно так встретит искренних богочтителей в эсхатоне истории Христос.

Вдохновенно выражен этот смысл движения человеческой истории в финале концерта. После краткого вступления с ударом литавр, настроившим сердце на онтологическую высоту, появляется основная тема — тема веснянки, заклички весны. Но не о календарной весне с любовью и неустанно просит музыка гения. Просит о весне вечности.

Она и явится в конце произведения как знамение эсхатона истории. Содержание этого самого грандиозного события истории мира воплощается дивно и торжественно расцветшей второй, нежной темой. Она несколько раз показывалась, но тихо, тепло, мягко, как просияния Царства, какие совершаются за каждой литургией. А в конце явится с ликующей силой. Именно так, несказанной красотой расцветут наши души в светоносном океане любви Божией, если сподобимся оказаться в числе спасенных.

А как подойти к кульминации? Как восчувствовать дыхание приближающегося Царствия? При слушании обратите внимание на то, как вдруг притормозился темп, словно при изумлении, как неожиданно замерло развитие на одной, всматривающейся в будущее гармонии, как вдохновенные фигурации, сопровождая просящие мотивы, знаменуют растущее чувство Божественного присутствия в сущем. Мотивы и фразы в музыке — это «слова», а порхания фигураций — энергии духа. Без них все рассыпалось бы в прах, а здесь они оживляют слова прошений, наполняя и все бытие чувством присутствия Божия.

И вот, после предкульминационной каденции фортепиано с колокольными перезвонами в ее заключительной фазе наступает сама кульминация-феозис.

Решительный перелом отмечен ударом литавр. От начального удара литавр к их тембровой репризе протянута онтологическая арка.

Литавры и песнь любви — невозможное сочетание? Оно становится единственно возможным в особой, уникальной точке бытия: в эсхатоне истории, в момент впадения реки времени в океан вечности, — ибо Царствие Божие открывается не по решению парламентов, не по мечтаниям философов или попсовых песенок, а по Промыслу Божию, по воле Божией, силой и действием Божественной любви.

Как Чайковский дошел до изумительной вышней правды? Головой придумал? Нет, откровение Божие ответило на трепет сердца.

Послушаем финал.

(Звуковой пример: финал Первого фортепианного концерта в исполнении М.Плетнева)

И нам в нашей жизни надо научиться так напряженно вслушиваться в грядущее откровение смысла истории и бытия.

(3) Последний вопрос — о нашем времени.

Разбрасыванию камней предшествовало их собирание. Золотой век русской культуры Бог утвердил дарованием России дивного соцветия гениев. За что? За возвращение на родину, в небесную отчизну, к своему, то есть Божьему, призванию.

Возглавил возвращение император Николай Павлович. Маркиз де Кюстин, наш недоброжелатель, все ж не скрыл искреннего восхищения величайшим государем в истории. Назвал его первым истинно русским императором. «Николай, — писал он — первым начинает идти против течения, возвращая русских к самим себе. Мир придет в восхищение от подобного предприятия, когда поймет, сколь мощный и несокрушимый ум замыслил его».

Преодолев сильнейшее противодействие, Николай I перевел общение при дворе с французского языка на русский, возродил национальную одежду, русский дух во всем, за что его люто возненавидели и оклеветали проводники западных влияний. Николай Павлович плакал от восторга на премьере «Жизни за Царя», и именно он предложил Глинке эту удачную светоносную формулировку вместо «смерти за царя».

На заре золотого века русского возрождения Христос открыл прп. Серафиму Саровскому условие спасения человечества — воссоединение светской и церковной ветвей жизни.

Запад, двигавшийся по пути ожесточения светской культуры против церковной, вовлек в него и Россию. Надвигались страшные времена. Трагической кульминацией стало убийство царя Александра II в 1881 году. Оно потрясло основы богосознания и открыло

дорогу 1917 году, истреблению народа, распаду державы, строительству содомской цивилизации...

За что Господь разбрасывает камни любимой Им страны? За предательство. За измену призыванию православной цивилизации, где России было определено, по терминологии Хантингтона, место стержневой страны.

Мы уселись спиной к цели онтологического времени. Потеряв из виду Царствие, — ослепли и обрели беспомощность. Для христианина не может быть иной цели жизни кроме всецелого соединения с Богом в Его Царствии. Иначе он не христианин, а имитатор веры. «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие», — говорит Христос, «Да придет Царствие Твое», — учит Он молиться. «Чаю... жизни будущего века» — говорится в Символе веры. Никакие обстоятельства жизни не могут отнять онтологическую перспективу — от нее можно только глупо отвернуться. Даже к тяжким последним временам Господь обращает совет: восклонитесь, поднимите головы. Наше преступление состоит в нежелании поднять головы — в отказе от светозарной перспективы, ради которой создан мир.

Что ж делать нам во времена разбрасывания камней? По призыву Божию — восклониться: от веры мнимой, скучной, книжной перейти к вере смиренно-огненной, живой, ищущей близости Бога — океана любви и истинной жизни — в признании нищеты духовной без Него.

Надо с ликованием и радостью принять мысль любви Божией, по которой Господь сейчас явным образом разбрасывает камни, расторгает цельность слаженного бытия, истребляет и сами народы. Великие христианские цивилизации, изменившие призыванию, пожираются грандиозным демографическим коллапсом по сказанному: «Семя нечестивых истребится».

Для чего Господь это делает? Для того, чтобы помочь нам узреть главное, «единое на потребу», чтобы смягчились наши ожесточенные и одичавшие без Бога сердца.

Господь просит: «Сыне, даждь Ми сердце». Сердце, душа — главное для Бога. А внешняя упорядоченность земной жизни или расстройство порядка в ней — не главное. Не последняя цель мироздания, а лишь средство воспитания. Ради воспитания к Царствию Господь часто назначает для народов, цивилизаций и мира по их состоянию времена разбрасывать камни.

И в первую очередь разрушает Господь Россию, потому что такая Россия, соблазн миру, Ему не нужна. Нужна Ему Святая Русь, которая «Святым Духом живится, и чистотою возвышается» в спасение свое и мира.

Разбрасывание камней драгоценно. Оно помогает нам вернуться к простоте видения сущего, укрупнить масштаб понимания, устранив извивы лукавства.⁴ Разруха благотворна, если в душах забьёт Источник истинной жизни.

Ведь ради чего созданы мир, время, человек, — к той блаженной цели мы и приближаемся неуклонно, неостановимо. Ради нее воплотился, пострадал и воскрес Христос и послал Духа Утешителя на Землю.

Даже если увидим, как Бог начнет сотрясать и разрушать Землю, погасит Солнце и силы небесные поколеблет, так что неверы будут издыхать от страха (Лк.21:26), — то для желающих Царствия это время станет предвкушением славы Божией, в которой основа жизни вечной.

Пророчественная русская музыка дана нам подспорьем. Вспомним начало преддыкта к эсхатону в только что прослушанном финале концерта Чайковского: все замерло, время остановилось, внимание сосредоточено лишь на ожидании действий Божиих. А Бог свыше послал нам для укрепления полетно-радостные юбилеи-ликования в Духе, как знак Своего живого присутствия.

Мы не знаем времени Второго Пришествия Христа. Возможно, что за покаянное возвращение к любви Божией будет нам возвращена на время и родная нам государственность, и соберет Господь Россию в новом порыве и возжжет красоту православной цивилизации в ободряющий пример миру и всему бытию, летящему к эсхатону истории, — чтобы подготовить вселенную к этой грядущей славе Божией.

В любом случае наша ближайшая, вечная и самая главная задача — раскрывать несказанную красоту грядущего Царствия Божия как причину мира, видимой красоты музыки, всех искусств, наук, всего лучшего, божественного во всей истории человечества. И раскрывая нездешнюю красоту в видимом, исправлять не только наш ум, но и волю, сердце, всю душу в ее цельности, истребляя все следы уныния и растерянности. В просторе этой величественной задачи найдется место каждому человеку, кем бы он ни был по своей мирской специальности, и всем народам мира.

⁴ Конечно, разбрасывание камней имеет своей причиной и справедливость Божию. Если число абортных в двух христианских цивилизациях превысило число живущих, и кровь убиенных младенцев вопиет к Богу, то обе цивилизации нераскаянных убийц, не желающих восстановить любовь к зарезанным детям молитвою о них, должны быть наказаны вплоть до уничтожения. Однако где первопричина ожесточения против детей? В разрыве людей с Богом! Онтологическая вертикаль — основание социальной горизонтали. Царь Давид, чрезвычайно сильно согрешивший против ближних, онтологически верно кается пред Богом: «Тебе единому согрешил». Бог же не хочет смерти грешника, тем более вечной, но ждет покаянного возвращения к любви Своей. И тогда разбрасывание камней, все трудности и тяжести бытия выступают как орудие спасения. Вновь открывается будущее, без которого жить невозможно, ибо только Царствие Божие, которое придет в силу, является ключом к бытию. Царь же Давид — в ободрение нам — оказался не просто в числе спасенных людей, но и увенчанных славой Божией святым.